

С. И. Архипов*

**ПРАВООТНОШЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Статья посвящена правоотношению собственности. Автор подробно анализирует теоретические представления о собственности как правовом отношении, исследует конструкцию данного отношения, его субъектов, содержание и т. д.

Ключевые слова: правоотношение, собственность, субъективное право, юридическая обязанность, субъекты правоотношения, содержание правоотношения, корпоративно-правовое явление

Собственность как особого рода правоотношение (его характерные признаки, конструкция, структурные элементы) традиционно представляет особый предмет исследования юридической науки. По данному предмету написано огромное количество работ, высказано множество точек зрения, что, однако, не свидетельствует о решении проблемы. Дискуссии по ней постоянно возобновляются с новой силой, в них участвуют представители различных отраслевых наук, теоретики права, историки, но, как и раньше, она остается «камнем преткновения» юридической науки. Условно можно выделить два основных подхода к пониманию правоотношений собственности, существенно различающихся по своим целям и задачам. Первый подход – частноправовой, второй – публично-правовой.

В рамках частноправового подхода собственность рассматривается как абсолютное правоотношение, где определена лишь одна сторона – собственник, которому противопоставлено неопределенное множество обязанных лиц. О. С. Иоффе отмечал, что правоотношениям собственности присущ абсолютный характер, поскольку они обладают двумя признаками: собственнику как управомоченному лицу в качестве обязанных субъектов противостоят все лица, подчиненные данному правопорядку; на всех этих лиц возлагается пассивная функция – функция воздержания от действий, препятствующих удовлетворению юридически охраняемых интересов собственника¹.

Конструкция абсолютного правоотношения собственности имеет ряд существенных недостатков, делающих ее весьма уязвимой. Например, она не объясняет оснований возникновения правовой связи между собственником и миллионами частных лиц, которые не заключали с ним договоры и не принимали на себя односторонние обязательства, но признаются обязанной стороной отношения; собственник наделяется субъективным правом, которое почему-то не обуславливается исполнением им юридических обязанностей, что противоречит самой сути правоотношения как взаимной связи; не раскрывается роль государства как конституирующего собственность публично-правового субъекта (осуществляющего регистрацию права собственности, межевание, кадастровый учет, техническую инвентаризацию недвижимых объектов и т. д.), главного гаранта собственности, обеспечивающего ее неприкосновенность; неопределенность состава обязанных лиц делает правоотношение собственности аморфным, неконкретизированным, в этом смысле данная конструкция обладает низким регулятивным потенциалом. Не случайно она вызывает в литературе множество возражений. Например, Л. И. Петражицкий по поводу нее иронично заметил, что настоящим бедствием для современной юриспруденции в области учения о праве собственности и иных абсолютных правах является ужасающее размножение субъектов; из-за покупки

* Архипов Сергей Иванович – доктор юридических наук, профессор УрГЮА, приглашенный профессор Университета «Париж X» (Nanterre) (Екатеринбург). E-mail: arhip10@mail.ru.

кем-либо булавки или карандаша происходит революция среди всех людей и народов на земном шаре, так как все обязаны по отношению к собственнику булавки; ко всем отправляются (в воображении юристов) запреты, все должны возыметь соответствующую волю, все люди попадают в «житейское отношение» к купившему булавку и пр.²

Критические замечания по поводу конструкции абсолютного правоотношения собственности высказывал также Г. Келер (H. Kohler). Он, как и Л. И. Петражицкий, не видел смысла в том, что «собственник самой пустячной вещи находится в юридическом отношении со всеми обитателями земли», что «всякое вновь возникающее право собственности, всякий вырытый кусок металла, всякая пойманная рыба производят юридическое потрясение, доходящее до Северного полюса»³. В советской литературе данную конструкцию негативно оценивал Д. М. Генкин; он называл ее искусственной, оторванной от реальных явлений жизни. По его мнению, невозможно согласиться с той точкой зрения, что носитель права собственности состоит в правоотношениях со всеми лицами, т. е. с неопределенным числом лиц; едва ли гражданин, не искушенный в премудростях тонких цивилистических концепций, поймет, что он состоит в правовом отношении с не известным ему лицом, обязывающим его воздерживаться от нарушения его собственности; нельзя допустить, что все граждане являются потенциальными нарушителями права собственности⁴.

Полемика вокруг конструкции абсолютного правоотношения не прекращается и в современной российской юридической литературе; по-прежнему существуют как ее сторонники, так и противники. Например, А. О. Рыбалов полагает, что ничего недоступного пониманию адресатов правового регулирования конструкция абсолютного правоотношения не содержит, более того, «она как раз отражает *наиболее простой взгляд на вещи* (курсив мой. — С. А.)»⁵. Прямо противоположную точку зрения на конструкцию абсолютных правоотношений собственности отстаивают Ю. И. Гревцов и Е. Б. Хохлов. По их мнению, «тривиальный аргумент против идеи абсолютного правоотношения заключается в том, что если мне как собственнику обязаны *все*, то это означает, что мне *никто* не обязан»⁶. Авторы полагают, что характер взаимодействия субъектов права — участников абсолютного правоотношения — не поддается наблюдению и определению, что невозможно убедиться в существовании абсолютного правоотношения.

Высказанные в рамках многолетней дискуссии доводы «за» и «против» конструкции абсолютного правоотношения собственности позволяют всесторонне осмыслить ее с технико-юридической, «инженерной» стороны, взвесить достоинства и недостатки регулятивной модели, созданной представителями гражданско-правовой науки. Однако кроме технико-юридической стороны проблемы существует другая, социально-правовая сторона, заключающаяся в практической эффективности, общественной полезности, целесообразности изобретенной конструкции. Для правовой науки эта сторона представляется не менее важной, чем технико-юридическая.

Оценивая практическую полезность, социально-правовую ценность конструкции абсолютного правоотношения собственности, надо учитывать, что она создавалась исключительно в целях гражданско-правового регулирования имущественных отношений, под частноправовую идею свободы собственности. В этом ее сила и слабость, плюсы и минусы. Поскольку она закрепляет абсолютную свободу собственников, то привлекательна для них, соответствует их стремлениям к правовой независимости, самостоятельности, автономии (без признания, одобрения с их стороны она, можно предположить, долго бы не просуществовала).

Вместе с тем односторонность частноправовой конструкции собственности, ее ориентированность исключительно на интересы собственника, игнорирование интересов других лиц дают повод сомневаться в ее целесообразности с общеправовых и социальных позиций, в том, что она отвечает задачам гармонизации общественных отношений, принципу совмещения произвола одного лица с произволом другого с точки

зрения всеобщего закона свободы. Заключенный в данной конструкции односторонний произвол собственника, по нашему мнению, едва ли соответствует понятию права и понятию правового отношения. Право в целом и правовое отношение в частности предполагают совмещение воли субъектов, юридическую обусловленность поведения лиц, их стремление осуществить свои интересы посредством друг друга. В исследуемой же нормативно-правовой модели отношения юристы имеют дело с неуравновешенным частным эгоизмом, со свободой одного лица за счет других, с обязанностью миллионов субъектов перед собственником вещи, который со своей стороны им ничего не должен. Конструкция абсолютного отношения собственности — это модель правоотношения по форме, но не по содержанию, сути. Своей односторонностью она подрывает идею правового отношения, нивелирует ее.

Правовая наука, поскольку ее выводы способны оказывать влияние на законодателей и судей, а через них — на социальную жизнь, должна учитывать последствия применения изобретенных ею конструкций, социальный риск внедрения в общество научных изобретений, не допускать возможности возникновения конфликтов, эрозии, разрушения социальной сферы. Созданная учеными применительно к собственности конструкция одностороннего правового отношения, в котором во имя интересов одного лица игнорируются интересы других лиц, не решает проблему гармонизации общества, наоборот, она приводит к противоречиям, имеет антисоциальный характер, способна причинить вред социальной системе, подорвать взаимность и доверие, на которых зиждется общество. Вместо того, чтобы спланировать людей, объединять их под эгидой общего интереса, она их разделяет.

Публично-правовой подход в отличие от частноправового предполагает рассмотрение собственности сквозь призму конструкции относительного правоотношения, в котором участвуют две стороны: собственник вещи и государство как суверен. В российской юридической литературе сторонником данного подхода был, например, Н. Н. Алексеев. По его мнению, абстрактное понятие собственности более всего свойственно тому социальному порядку, который не знает ограничений собственности и построен на полной свободе оборота, т. е. капиталистическому хозяйству в его чистом виде. Всякие попытки частичной социализации общества предполагают установление особых ограничений для отдельных видов собственности, их следствием является превращение воззрений на собственность как на абстрактный институт в воззрения на нее как на институт конкретный⁷. Идея безусловной собственности, рожденная на римской почве и усвоенная народами романской группы, как полагал Н. Н. Алексеев, в значительной степени оказалась чуждой германцам, славянам, народам восточных культур. Абсолютная собственность не терпит ограничений, они могут быть установлены только в целях ее утверждения; относительная же собственность включает в себя идею границы и потому выносит различные ограничения. Прежде всего, она содержит момент публично-правовой ограниченности, т. е. предполагает целый ряд социальных обязанностей, которые лежат на собственнике и его связывают. Праву собственности отнюдь не соответствует безусловная всеобщая обязанность терпеть любые действия собственника, напротив, в случае явного злоупотребления им своим правом, наносящим вред обществу, или в случае неисполнения лежащих на собственнике обязанностей государство может вмешиваться в права собственника, может ограничить его свободу и даже лишить его права.

Отличие между собственностью абсолютной и относительной, по мнению Н. Н. Алексеева, можно выразить так: абсолютная собственность представляет одностороннюю связь прав и обязанностей, относительная — двустороннюю. В абсолютной собственности с одной стороны — права собственника, с другой — обязанности других лиц. В относительной собственности у собственника имеются не только права, но и обязанности, другие лица не только обременены обязанностями, но и наделены правами⁸. В относительной собственности другие лица могут влиять на собственника вещи,

а не только терпеть его произвол. Кто же является второй стороной в правоотношении собственности? Как полагал Н. Н. Алексеев, такой стороной должно быть общество, представляющее собой некое единство; отношение собственности возникает между общественным целым и субъектом права собственности. В этом правовом отношении общество применительно к собственнику осуществляет некоторую положительную миссию, оно способно оказывать решающее влияние на собственность, на обладателя вещи. При относительной собственности «общество живет в его собственности, и собственность живет жизнью общества»⁹.

Но может ли общество как таковое быть субъектом права, обладает ли оно необходимыми для этого качествами, в частности правовой целостностью, единством, способно ли оно в принципе быть стороной отношений собственности? На данный ключевой вопрос Н. Н. Алексеев не дал однозначного ответа, однако, рассуждая о преобразовании частной собственности как правоотношения, он отмечал, что оно должно сводиться, прежде всего, к преобразованию ее отношения к государству¹⁰. Следовательно, настоящим субъектом правоотношений собственности в его конструкции является не общество, а государство. При этом он рассматривает его не как правовое лицо, а как политически властвующего субъекта, как публичную власть, *imperium*. В правовом отношении собственности участвуют, с одной стороны, собственник вещи (частное лицо), а с другой – суверен, способный не просто ограничить эгоизм собственника, но и вообще лишить его собственности. *Imperium* призван играть активную роль в отношениях собственности, он должен контролировать и определять условия обращения определенных объектов собственности, в особенности это касается земли; государство должно выполнять свою особую миссию в этих отношениях, осуществлять в них свой замысел, отводя собственнику роль ведомой стороны, служителя собственности. Предложенная Н. Н. Алексеевым публично-правовая модель отношений собственности имела целью разрешение противоречия между частным и публичным интересами, преодоление недостатков капитализма и социализма. На деле же она оказалась одним из вариантов социально-служебного подхода к пониманию сущности и назначения собственности, который предполагает приоритет публичных интересов по отношению к частным в имущественной сфере, навязывание воли государства собственнику.

В советской юридической литературе право собственности в рамках конструкции относительного правоотношения рассматривал Д. М. Генкин. В рецензии на монографию чешского правоведа В. Кнаппа («Собственность в странах народной демократии (правовой режим собственности в Чехословацкой Республике)». М., 1954 г.) он писал: «Пора отказаться... от той точки зрения, что право собственности вытекает из правоотношения со всяким и каждым, с неопределенным числом лиц, которые обязаны воздерживаться от нарушения субъективных прав собственника»¹¹. Собственник не может заставить всякого и каждого соблюдать его субъективное право собственности, так как никаких властных правомочий по отношению к ним он не имеет. По мнению Д. М. Генкина, «в силу закона у собственника создается правоотношение с государством, предоставляющим собственнику „своей властью“, независимо от других лиц, использовать правомочия владения, пользования и распоряжения вещью и одновременно обязывающим всех других лиц не нарушать субъективное право собственника. Это не правоотношение собственника со всеми другими лицами, это – правоотношение и собственника, и всех других лиц с государством»¹².

Поскольку в предложенной ученым конструкции правоотношения собственности государство предоставляет собственнику «своей властью» возможность использовать правомочия владения, пользования и распоряжения вещью, то логично было бы предположить, что он признает существование юридической обязанности государства перед собственником вещи. Причем не только в части надления его тремя названными правомочиями, но и в части обеспечения ему внешней защиты его субъективного права от

нарушений со стороны третьих лиц. Однако Д. М. Генкин отрицает саму возможность возложения на государство (как на участника правоотношения собственности) каких-либо юридических обязанностей. По его мнению, государство не может быть обязанным лицом по отношению к собственнику, поскольку оно суверенно, устанавливает для всех нормы объективного права¹³.

В связи с этим возникает вопрос: зачем Д. М. Генкин поместил субъективное право собственности в конструкцию относительного правоотношения, где собственнику корреспондирует государство, которое ничего ему не обязано? В его конструкции субъективное право собственности оказывается не просто голым, юридически не обеспеченным правом, оно превращается в свою противоположность – в юридическую обязанность служить своему суверену; собственник в ней осуществляет не свой интерес, а волю государства. Для цивилистики данная модель оказывается совершенно неприемлемой, чужеродной. Возможно, осознавая данное обстоятельство, Д. М. Генкин в более поздних работах отказался от предложенной им модели отношения собственности. Вместо нее он взял за основу идею существования права собственности вне правоотношений, его возникновения непосредственно из норм объективного права и осуществления своего права собственником самостоятельно, независимо от других лиц¹⁴.

Публично-правовая конструкция отношения собственности, с одной стороны, позволяет устранить некоторые недостатки, изъяны, присущие частноправовой конструкции (в ней, например, нет дефекта «ужасающего размножения субъектов», о котором писал Л. И. Петражицкий, участники правоотношения четко определены и сведены к минимуму; праву собственности не корреспондирует безусловная всеобщая обязанность терпеть любые действия собственника, на что обращал внимание Н. Н. Алексеев, исключена возможность проявления одностороннего произвола со стороны собственника вещи, игнорирования им интересов общества; отражена активная роль государства в формировании собственности; проявляются, становятся видимыми обязанности собственника, его социальная «плата» за собственность). С другой стороны, у данной конструкции имеются собственные существенные недостатки: в ней нивелируется свобода собственности, право превращается в долг собственника по отношению к обществу; фигура государства заслоняет собою других субъектов права, у которых есть непосредственный интерес к собственности (совместные собственники, обладатели прав хозяйственного ведения, оперативного управления имуществом собственника, иных вещных прав); государство как правовой субъект, служитель правопорядка подменяется властвующим сувереном, навязывающим свою волю собственнику. Публично-правовая модель относительного правоотношения собственности, как и частноправовая модель абсолютного правоотношения, «страдает» односторонностью, в ней доминируют интересы одного субъекта в ущерб другому. Она представляет собой зеркальное отражение модели частноправового отношения, в ней также заключен произвол, но уже не частного лица по отношению к обществу, а суверена по отношению к собственнику вещи. В данной конструкции переставлены местами правовые полюса, но крайности сохранились, она, как и гражданско-правовая модель, есть правовое отношение лишь по форме, а по сути – односторонний произвол.

Представители двух названных подходов к пониманию отношения собственности искусственно разделили правовую «плоть» собственности на две половины: частноправовые элементы заключены ими в форму абсолютного правоотношения, публично-правовые элементы кристаллизованы в форму относительного правоотношения. Единое, целостное правовое отношение собственности оказалось расчлененным, разорванным на две части и оформленным в виде двух самостоятельных юридических конструкций. Каждая из них имеет существенные недостатки, является ущербной: публично-правовая конструкция «хромает» на права, частноправовая – на обязанности, в первой доминирует воля государства, во второй – воля собственника. Чтобы оценить истинный масштаб

исследуемого объекта, представить целостную картину правового отношения собственности, недостаточно встать на позицию сторонников частноправового подхода, рассматривающих собственность призму конструкции абсолютного правоотношения, или на позицию представителей публично-правового подхода, воспринимающих собственность через кристалл конструкции относительного правоотношения, необходимо совместить эти две проекции, два противоположных взгляда на один объект. Следует синтезировать в одной модели половины правового отношения собственности, соединить частноправовые и публично-правовые элементы в целое.

Связующим звеном для объединения двух конструкций правоотношения собственности в широком (не в технико-правовом) смысле, по нашему мнению, должно быть понимание ее как корпоративно-правового явления, детища правового союза. Речь идет о том, что в отношениях собственности субъектов права следует рассматривать не в качестве антагонистов, противостоящих друг другу «частных» лиц, каждый из которых видит в других препятствие на пути своего интереса, а как участников единой правовой корпорации, чьи отношения имеют союзный характер. Лица, корреспондирующие друг другу в отношениях собственности, связаны общей системой правопорядка, единой правовой культурой, сформированными ими в процессе совместной правовой коммуникации общими идеями, представлениями, ценностями, принципами, юридическими нормами, совместно созданными судебными, законодательными и иными органами. Их отношения строятся на взаимности, каждый признает в другом собственника, уважает личность другого, его имущественные права, в этом смысле они – единомышленники (живут одними правовыми представлениями, идеями). Фундаментом их правовой связи является не частный, эгоистический интерес и не всеобщее государственно-правовое принуждение, а их корпоративно-правовой «дух», сознание, основанное на стремлении обеспечить каждому достойную правовую среду, создать общество свободных (духовно и имущественно) лиц.

Собственнику как участнику правовой корпорации нет нужды вступать в непосредственные отношения по признанию своего права на вещь со всеми ее участниками, известными и не известными ему индивидами и юридическими лицами. Для этих целей есть особый субъект, олицетворяющий правопорядок, призванный служить праву, осуществлять всеобщие интересы участников корпорации. Речь идет о государстве, но не о суверене, субъекте политической власти (как полагают представители публично-правового подхода), не об организации, навязывающей индивидам свою волю, а о правовом лице, призванном обеспечить формирование и осуществление общей воли участников правовой корпорации. Государство в отношениях собственности не может быть властителем, сувереном, оно должно быть служителем правопорядка, для него закон – это не средство осуществления политических задач, а то, во имя чего оно существует; в праве заключается его сущность, его «дух». Когда представители публично-правового подхода помещают в конструкцию правоотношений собственности государство-суверена, то они подменяют правовую связь политической, не учитывая, что суверенное по отношению к собственнику государство – самый опасный враг собственности. В отношениях с государством собственник вещи должен видеть не отчужденную от него власть, не господина, а свою оформившуюся правовую сущность, воплотившиеся в другом, самостоятельном субъекте правовые интересы и ценности личности.

В рамках корпоративно-правовой системы государство выступает не первичным, исходным субъектом права, не «большим человеком», в тени которого меркнут индивиды и частные корпорации, а производной от граждан правовой личностью. Правосубъектность государства, его функции, права и обязанности определяются индивидами, именно они являются первичными по отношению к нему субъектами права; государство «живет» их волей, сознанием, активностью, обеспечивается их налогами, сборами. В государстве правовые интересы индивида, в том числе как собственника имущества,

получают всеобщее признание, закрепление; в нем личность индивида, его правовые стремления получают новое воплощение, новую сферу своего существования, осуществления. Государство вступает в правовые отношения собственности как хранитель союзной правовой воли индивидов, выразитель корпоративно-правового «духа», наделенный правом представлять все правовое сообщество, действовать от его имени.

Государство, выступая стороной в правоотношениях собственности, призвано выполнять в них два вида функций: во-первых, функции посредника, связующего звена между собственником и другими участниками правовой корпорации, во-вторых, функции непосредственного исполнителя правовых услуг (регистратора собственности, органа межевания, кадастрового учета, инвентаризатора имущества, удостоверителя права собственности, отправителя правосудия, исполнителя судебных решений и т. д.). Собственник, обращаясь к государству как к посреднику между ним и третьими лицами, рассчитывает на его содействие, помощь в налаживании взаимосвязей со всеми участниками системы правопорядка. Для него государство — это не конечная инстанция, вытесняющая собой из правового отношения собственности других лиц, а своего рода мост между ним и множеством неизвестных ему субъектов права, обязанных соблюдать его законные интересы, имущественные права. Собственнику необходимо, чтобы не только само государство признавало в нем владельца вещи, но и все другие лица относились к нему так же, чтобы его право было всеобщим признанным. Государство, выполняя посредническую миссию, должно обеспечить ему такое признание и гарантировать соблюдение его интересов иными участниками правопорядка, в случае необходимости информировать их о принадлежности вещи лицу, охранять собственность от правонарушений, разрешать споры, возникающие между собственником и другими участниками правовой корпорации, и т. д.

Активность государства как посредника между собственником и иными субъектами права зависит от правового состояния лица (дееспособность, безвестное отсутствие и т. п.), от социальной значимости объектов собственности, видов имущества, других обстоятельств. Нуждающееся в юридической защите, помощи лицо (собственник вещи) вправе рассчитывать на соответствующее отношение к нему государства, на содействие органов опеки, попечительства, иных государственных органов. Роль государства в правовом отношении собственности, где объектом обладания выступает недвижимое имущество, существенно отличается от отношения, возникающего по поводу движимой вещи. Применительно к первой группе отношений роль государства постоянно возрастает, оно проявляет в них максимальную активность, гарантируя осуществление в них социального интереса; им осуществляется не только общая посредническая миссия, но и функции регистратора права собственности, кадастрового учета недвижимого имущества и т. д. Оно вклинивается в правую связь между покупателем и продавцом, дарителем и одаряемым, замыкая ее на себе. Участники сделки не могут самостоятельно без участия государства передавать право собственности на вещь от одного к другому. Они общаются, взаимодействуют не напрямую, не непосредственно, а через государство, его органы.

Что касается движимых вещей, то государство относится к ним иначе, не вторгается в отношение между покупателем и продавцом, не разрывает его, замыкая все нити на себя, а предоставляет им право на основе общих предписаний закона самостоятельно решить вопрос о «юридической судьбе вещи», о переходе права собственности на нее от одного лица к другому. Государство располагается «на заднем плане» — между ними и иными участниками правопорядка, обеспечивает публичное признание свершившегося частноправового акта, придает их воле всеобщее значение, гарантирует осуществление законных интересов нового обладателя вещи всеми субъектами права при соблюдении участниками сделки общих требований, условий, установленных системой правопорядка. Хотя государство в данной группе отношений внешне выглядит пассивным, но без

его «правового благословения», посредничества любые соглашения между покупателем и продавцом, дарителем и одаряемым являются лишь частными договоренностями, не имеющими общей правовой силы.

Участие государства в правоотношениях собственности, где объектами выступают движимые вещи, становится явным, когда у нового собственника (покупателя) возникают права по отношению к третьим лицам (не участвовавшим в договоре) и публичные обязанности, связанные с приобретением им вещи: по уплате имущественных налогов, по содержанию вещи (например, домашних животных, картин известных художников, скульптур, других культурных ценностей), по соблюдению специальных условий хранения, перевозки, утилизации объекта собственности и т. п. С одной стороны, воля сторон, участвующих в договоре купли-продажи движимой вещи, мены или другом договоре, предметом которого является отчуждение движимой вещи, касается только отношений между ними (договорных); с другой стороны, она имеет внешнее значение, вызывает юридические последствия для других.

Договор об отчуждении движимой вещи – своего рода «спусковой крючок» для возникновения публично-правовой связи, отношения собственности, возникающего между приобретателем вещи и государством, а через него – со всеми иными участниками правовой корпорации. Особенность данного вида отношений состоит в том, что государство не берет инициативу в свои руки, оно предоставляет возможность самим заинтересованным лицам «нажать на спусковой крючок» отношений собственности, а затем выходит на авансцену. Оно наделяет покупателя вещи правами по отношению к третьим лицам и возлагает на него бремя публично-правовых обязанностей. Именно благодаря участию государства собственность из частного соглашения покупателя с продавцом становится общим правовым состоянием.

Наряду с функциями посредника государство в рамках правового отношения собственности осуществляет через свои органы, учреждения также функции непосредственного исполнителя ряда организационно-правовых услуг в интересах собственника. Речь идет об упомянутых функциях регистратора собственности, органа межевания, кадастрового учета, инвентаризатора имущества, удостоверяющего права собственности и др. Общее число таких функций, осуществляемых государством в отношениях с собственником, увеличивается с развитием, совершенствованием правовой системы, укреплением правопорядка; появляются некоторые новые функции, например по компенсации собственнику вреда, причиненного его имуществу преступными действиями третьих лиц, по страхованию денежных вкладов в кредитных учреждениях, по осуществлению международно-правовой защиты иностранных инвестиций граждан государства и созданных в нем юридических лиц.

Возрастание числа функций государства, осуществляемых им в интересах собственников имущества, предполагает расширение объема его субъективных прав и обязанностей в рамках правоотношений собственности. Соответственно расширяется состав функций, прав и обязанностей собственника (в частности, связанных с уплатой налогов, сборов за государственную регистрацию перехода права собственности, за нотариальное оформление различных сделок, с соблюдением устанавливаемых государством санитарно-эпидемиологических, противопожарных, градостроительных и иных требований). Между правовыми функциями государства и правовыми функциями собственников существует прямая связь: одно обуславливается другим. Развитие государства невозможно без развития собственности, без расширения интересов собственников, а развитие собственности, в свою очередь, немыслимо без развития государства. Прогресс собственности предполагает дальнейший рост и усложнение системы взаимных обязательств государства и собственников.

Рассматривая государство как участника отношений собственности, следует учитывать такую его особенность, как полисубъектность. Во взаимодействии с собственником

вещи оно, как представляется, выступает не в качестве одного (моно) субъекта, а как система, совокупность юридических лиц (органов, учреждений), объединенных общими целями, принципами. Оно многоглавый правовой субъект, своего рода правовой Янус, имеющий множество ликов.

Государство как система юридических лиц подразделяется по уровням: муниципальный, региональный и общегосударственный (в перспективе – международно-правовой уровень); а также по функциям: субъекты (органы, учреждения) регистрации права собственности, кадастрового учета, межевания, охраны правопорядка, разрешения споров и т. д. У собственника вещи с каждым из множества субъектов, представляющих государство, может возникнуть отдельное правовое микроотношение, являющееся элементом общего правоотношения собственности. В зависимости от объекта собственности (движимые или недвижимые вещи, интеллектуальная или «материальная» собственность), а также от вида субъектов – обладателей имущества могут возникать различные составы микроотношений, разные комплексы прав и обязанностей сторон, не сводимые к определенному, предустановленному набору субъективных прав и обязанностей.

В юридической литературе правовое отношение традиционно рассматривается как некоторая стабильная совокупность субъективных прав и обязанностей, как их постоянный, неизменный комплекс. Одному (или нескольким) субъективному праву корреспондирует одна (несколько) юридическая обязанность, которые и составляют содержание правового отношения. Применительно к собственности такой упрощенный взгляд на правовое отношение приводит к тому, что все живое, динамичное в отношениях между сторонами омертвляется, многоплановая правовая реальность заменяется окаменевшим нормативным шаблоном, мертвой схемой. В частном праве – моделью отношения собственника с миллионами не известных ему частных лиц, неконкретных, безымянных, абстрактных; в публичном праве – моделью отношения собственника с абстрактным государством.

В этом взгляде нет объема, не виден масштаб исследуемого объекта, отсутствуют многие его элементы и стороны, не отражается динамика правового отношения. Сведение всего содержания правоотношения к предустановленной законодателем совокупности субъективных прав и обязанностей сторон – это существенное упрощение (редукция) правовой реальности. Юристы в своем отношении к внешнему миру действуют подобно художникам-символистам, описывающим окружающую их действительность посредством созданных ими условных символов, заменяющих собою реальные объекты. Речь идет не о том, что такой прием вообще недопустим, а о том, что исследователь должен понимать, в каких рамках, пределах оправдано использование его образа предмета, а в каких случаях – нет. Для осуществления технико-регулятивных задач, возможно, данная операция имеет смысл, что же касается научного исследования, познания правовой действительности, то замена реального объекта технико-правовым слепком приводит к искаженному представлению об исследуемом феномене. Юристы ищут в реальности только то, что хотят найти, что заключено в их собственной модели объекта.

Правовое отношение собственности не следует сводить к какому-либо предустановленному составу, комплексу субъективных прав и обязанностей. Во-первых, потому, что в реальности собственник имеет дело не с государством вообще, а с его отдельными юридическими лицами: органами регистрации права собственности, БТИ, межевания, кадастрового учета и т. д. Он вступает в правовые отношения не с одним, а со множеством субъектов права, представляющих государство, следовательно, у него возникает с государством целая сеть правовых микроотношений, которая динамична, способна модифицироваться, прирастать новыми составами, элементами, содержанием. Во-вторых, потому, что собственность и отношения собственности выражают индивидуальность субъекта права, его особенные черты, неповторимость (его особые инте-

рессы, устремления, его индивидуальную природу). Собственность — это важнейший канал формирования индивидуальности, самобытной личности. Отношение собственности должно способствовать развитию правовых качеств человека, отражать его оригинальность, особенности его сознания, психологии, направленность его воли. Чем дальше законодатель пытается унифицировать собственность и отношения собственности, тем больше он, на наш взгляд, отклоняется от оснований собственности, от ее правовой сущности.

Что объединяет множество правовых микроотношений в единую систему? Прежде всего, общий объект (вещь), по поводу которого эти отношения возникают, общий субъект — владелец, собственник вещи, и общий предмет — юридическое закрепление вещи за субъектом в качестве его элемента, части и правовое владение вещью. Подчеркнем, не только юридическое закрепление вещи за лицом, но и правовое владение ею. Это важно, поскольку в литературе бытует точка зрения, согласно которой отношения собственности статичны, что их отличает, например, от отношений обязательственных. Если рассматривать собственность лишь как форму юридического закрепления вещи за лицом, то данная точка зрения справедлива, но если предмет отношений собственности шире, включает правовое владение, то собственность нельзя рассматривать статично и противопоставлять обязательственному праву. Каждый виток развития обязательственного права есть ступень развития собственности, каждый новый договор, новый вид обязательств — это новые правовые возможности собственника как владельца вещи. Развитие обязательственного права есть одновременно развитие права собственности. Предметное поле отношений собственности не статично, оно постоянно расширяется, вбирает все новые и новые элементы. Государство, укрепляя правопорядок, создавая новые институты, органы, учреждения в имущественной сфере, развивает диалог с собственником вещи, вовлекает в отношения собственности новых лиц, создает условия для расширения сети правовых микроотношений собственности.

Правовое отношение собственности не следует рассматривать как некоторую совокупность субъективных прав и обязанностей и потому, что субъективные права и обязанности — это технико-юридические элементы отношения, которые должны к чему-то крепиться, они (при всей их значимости) не являются самоценными, независимыми фрагментами, частями правового отношения. Отождествление правового отношения с совокупностью субъективных прав и обязанностей, можно предположить, есть дань позитивизму, упрощенному технико-правовому взгляду на социально-правовые отношения. Субъективные права и юридические обязанности должны рассматриваться не сами по себе, а в совокупности с правовыми представлениями, позициями, правовыми ролями и функциями сторон.

Понятие «отношение», прежде всего, выражает именно представления субъектов друг о друге, то, как они относятся к другому, их самооценку и оценку другой стороны. Вождения (материя произвола) здесь не имеют принципиального значения, в правоотношении важна рационально-волевая сторона (представления друг о друге, выраженные в волевых актах, в правовых притязаниях субъектов); коммуникативная сторона (взаимная связь участников отношения), а также регулятивная сторона (общие правила, нормы, которым должны следовать стороны).

В отношении собственности исходные представления друг о друге как участниках правового взаимодействия важны, поскольку государство и собственник могут воспринимать себя по-разному, видеть себя в разных ипостасях. Государство может восприниматься собственником как суверен (по утверждениям представителей публично-правового подхода), что, как уже отмечалось, является аномальным для правового отношения собственности; как частное лицо, равное собственнику вещи, например в рамках осуществления сделок по приватизации государственного имущества (при купле-продаже государственной собственности) или при покупке государством иму-

щества у частных лиц для своих нужд; или как служитель правопорядка, субъект, созданный во имя права. Соответственно государство может по-разному воспринимать собственника исходя из его отношения к государству, из того, как он позволяет к себе относиться (в этом смысле отношение государства к собственнику есть зеркальное отражение отношения собственника к государству).

Само по себе представление лица о его контрагенте, о том, каким он видит для себя правовую связь с ним, пока оно «живет» в сознании лица, не является предметом права. Когда же его представление о другом лице начинает проявляться вовне, выражаться в его волевых актах, действиях, поступках, то оно материализуется в правовом смысле, становится правовым явлением. Внутреннее отношение лица к другим лицам, его восприятие контрагентов объективируется, становится внешним юридическим отношением, затрагивающим интересы окружающих его субъектов.

В правовом отношении рациональный элемент не существует отдельно от воли, он вживлен в нее, образует с ней единое целое — рационально-волевое структурное звено отношения. Представления субъектов права становятся частью материи правового отношения, когда они выражаются не в виде абстрактных теорий, умозрительных заключений, формул, а в рациональных импульсах воли, правовых устремлениях, притязаниях, требованиях и т. д. В этом смысле критики психологической теории права Л. И. Петражицкого были, с одной стороны, правы, не соглашаясь с ним в оценке внутреннего отношения лица к другим лицам как правового отношения, а с другой — нет, поскольку не учитывали способность внутреннего отношения лица к иному лицу объективироваться, становиться частью правовой реальности. Когда внутреннее отношение к другому лицу получает внешнее выражение, воплощается в волевых действиях и поступках лица, то из сферы «чистого» сознания оно переходит в сферу правовой действительности, становится важным элементом правового отношения. Субъективные права и обязанности, если их сопоставлять с рационально-волевым структурным звеном, частью правового отношения, представляют собой не более чем «юридические доспехи» субъектов права, которые надеваются ими на себя для достижения поставленных правовых целей. То, какие идеи, представления лежат в основе волевых актов субъектов права, движут ими в правовом отношении, являясь его внутренним «мотором», есть отдельная содержательная сторона, компонент правового отношения. Эта сторона отнюдь не второстепенна по сравнению с технико-правовой стороной («правовыми доспехами»), напротив, техническая сторона правового отношения определяется ею, следует за ней.

В рамках рационально-волевого звена правового отношения наиболее значимым его элементом, определяющим содержание правового отношения вообще и собственности в частности, являются, по нашему мнению, правовые позиции сторон — участников правового отношения. Позиция стороны в правовом отношении — это своего рода логический итог, результат формирования представления субъекта о правовом взаимодействии и самоопределения его воли. В позиции выражается место лица в правовом отношении и его общая правовая роль. Так, в средневековом сознании государство воспринималось в качестве верховного, «настоящего» собственника, а владелец вещи — как вторичный, «ненастоящий» собственник.

Позиция государства по отношению к собственнику вещи имеет значение для определения не только состава субъективных прав и обязанностей, но и их содержания. В зависимости от позиции, роли государства исследователь собственности получит не одну, а несколько моделей правовых отношений, несколько различных вариантов правового взаимодействия сторон. Позиция собственника в правоотношении с государством также имеет принципиальное значение: рассматривает ли он себя в качестве подданного государства, его «правового вассала», либо частного лица, либо участника правовой корпорации, деятеля, формирующего правовую систему, первичного субъекта права по отношению к государству.

Именно в правовых позициях сторон, как представляется, фокусируется рационально-волевое содержание правового отношения вообще и собственности в частности. Не случайно, например, в договорном праве принято говорить не об обязанностях субъектов, а об их взаимных обязательствах, поскольку обязанность субстанциональна, она не зависит от воли лица, определяется извне (государством, обществом); обязательство же предполагает иную исходную позицию субъекта права – его возможность самостоятельно решать вопрос о возложении на себя юридического долга перед другим лицом, оно есть следствие его правовой автономии, свободного самоопределения воли. Понятия «обязанность» и «обязательство», таким образом, заключают в себе исходные различия правовых позиций сторон и соответственно разные типы правового взаимодействия. Для отношений собственности этот правовой нюанс важен, поскольку их вектор развития, как можно предположить, постепенно меняется от модели внешнего обязывания в сторону модели обязательства.

Представления сторон друг о друге, их воли, правовые позиции, чтобы они могли существовать в рамках одного правового поля, единого правового отношения, должны быть приведены к общему знаменателю, совмещены, должны стать позициями не каждого в отдельности лица, а частями общей системы представлений, фрагментами единой для всех участников рационально-волевой картины правового отношения. Поэтому одним из главных структурных звеньев правового отношения для исследователей собственности должен быть способ связи сторон, а в более широком смысле – система совмещения, согласования воли, позиций участников отношения. В любом правоотношении необходимо найти то, что связывает различные позиции сторон, объединяет их в одну правовую целостность. В формировании этого (второго) структурного звена правового отношения существенную роль играет профессионализм законодателя, судьи; их способность, не навязывая собственную позицию, совместить интересы сторон.

Позитивизм, сводящий право к закону, в основе правового отношения видит суверенную волю государства, его способность принудить любое лицо исполнить требование закона. Он вытесняет волю сторон правового отношения волей суверена, что означает подмену правового способа связи неправовым. Духовная, рационально-волевая связь субъектов заменяется внешним, физическим принуждением, тем самым правовым отношением именуется то, что таковым не является. Отношение политического властвования отнюдь не тождественно правовому отношению, это его антипод. Когда государство представляет себя в отношениях собственности сувереном, а в собственнике видит своего подданного, правовая связь разрывается, сохраняется лишь видимость правового отношения, его юридическая оболочка (закон, судебный акт, система регистрации собственности). Иллюзия существования правовой связи, правового отношения лиц в условиях навязанной им воли государства создается позитивистами посредством технико-юридического соотнесения субъективных прав с юридическими обязанностями. Для позитивистов не существует проблемы установления способа связи участников правового отношения, нет необходимости выделения такого элемента в содержании правоотношения, поскольку нет самого правового содержания, есть лишь юридическая форма, технический инструментарий.

Способ связи субъектов правовых отношений в наиболее общем виде был сформулирован И. Кантом в его определении права (право как совокупность условий, при которых произвол одного совмещен с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы¹⁵). Речь идет о том, что в правовом отношении (в праве вообще) воля (произвол) субъекта, взятый с внешней стороны (в его внешнем выражении), должен быть совмещен с волей другого лица исходя из их правовой автономии, правовой свободы. Сформулированный Кантом принцип правового взаимодействия, связи сторон дает общее представление о том, как должно быть организовано правовое отношение.

Однако данной формулы недостаточно для объяснения конкретного способа связи участников, сторон в рамках отдельного правового отношения. В одних правоотношениях, где цели участников в основном совпадают (например, в договоре простого товарищества — совместной деятельности), их связь может строиться на принципах координации их воли. В тех случаях, когда у сторон нет общих интересов, то возможно создание одной стороной системы стимулирования для другого участника (заработная плата, разовые вознаграждения, моральные стимулы) для возникновения правовой связи между ними. Существуют и иные способы формирования правовой связи сторон.

Применительно к отношениям собственности можно выделить свой способ (систему) связи участников, характерный именно для данного вида отношений. Собственник свою связь с множеством так называемых частных лиц, опосредуемую государством, строит на принципах взаимности: ты признаешь мою собственность, мою имущественно-правовую автономию, я признаю твою, при этом каждый из нас должен стремиться к тому, чтобы совместно создавать общее правовое поле для существования собственности, правового оборота вещей.

Этот принцип взаимного признания и совместного созидания правового поля собственности переносится и на отношение собственника с государством. Поскольку собственность как социальное явление, как правовое состояние без государства невозможна, то правовое отношение собственности должно предполагать взаимное признание собственником государства и государством собственника, его права на вещь. Однако этим взаимным признанием связь собственника с государством не ограничивается: собственник нуждается в конкретных правовых услугах со стороны государства, оно — в его налогах, пошлинах, деятельности по формированию и укреплению государственности.

В отношении собственника с государством есть меркантильная сторона (ты мне — я тебе), но есть и другая, более значимая. Глубинная, сущностная связь государства с собственником зиждется не на меркантилизме, а на ином фундаменте; в основе правового отношения собственности, по нашему мнению, лежит принцип союзно-правового единства участников отношений (государства и собственника), правовой корпоративности. Государство, если оно не суверенный Левиафан, а правовое лицо, представляющее собой систему правопорядка, не может быть безучастным к собственнику и его собственности. Оно — его союзник в формировании и укреплении собственности, его детище, продолжение его правового «я»; развивая государство, он развивает и укрепляет свою собственность, расширяет социально-правовое поле собственности. Правовые отношения собственности предполагают участие в них не государства-суверена, а корпоративно-правового субъекта, союзно-правовой личности. Очевидно, что развивать отношения собственности, не меняя своих представлений о государстве, не реформируя их в сторону модели правовой государственности, невозможно. Уходя от внешней принудительности, от идеи насилия по отношению к собственнику вещи, необходимо укреплять духовные основания собственности, корпоративно-правовую, союзническую связь собственника с государством, а через нее — со всем правовым сообществом. Правовое отношение собственности должно быть отношением единомышленников, совместно созидающих единое правовое пространство на корпоративных основах, на свойствах личности и возможности индивидуализации ее собственности, на восхождении от частного интереса к всеобщему, союзному правовому интересу, к духовно-правовому единству.

На основе установленной связи участников отношения возникает третье — функционально-ролевое — структурное звено правового отношения. Для субъектов правового отношения важно определить общую картину их правового взаимодействия: какие функции, виды деятельности каждый из них осуществляет, в какой последовательности и как их виды деятельности соотносятся с видами деятельности (функциями) других участников. У них должен быть функционально-ролевой сценарий их взаимодействия,

где в соответствии с избранными ими правовыми ролями определяются их общие и конкретные правовые функции, что они делают и как (способы, формы их деятельности). Способ связи субъектов отношения в этом сценарии детализируется, уточняется в конкретных направлениях деятельности участников, в их согласовании, взаимной увязке.

Для собственности это функционально-ролевое звено правового отношения имеет особое значение: государство и собственник в настоящее время не ведут совместного баланса своих взаимных функций. Собственник, вступая в отношения собственности, нередко даже не догадывается о том, какую социальную плату он должен «заплатить» за собственность, что он должен за нее государству. Отсутствие точного, полного учета взаимных функций приводит к тому, что нередко собственник, осознав непропорциональность его усилий по содержанию собственности тем благам, социальным гарантиям, которые он получает от государства, вынужден отказываться от своей собственности или искать другие места для размещения своих капиталов, приложения собственности. Опыт советской системы хозяйствования, а также ряда европейских стран, применяющих прогрессивную систему налогообложения собственности, свидетельствует об опасности нарушения баланса интересов собственника и государства. Для законодателя важно не только поддерживать разумное соотношение функций, видов деятельности, осуществляемых собственником и государством, но и наладить диалог между ними, чтобы они на взаимных началах, сотрудничая друг с другом, участвовали в определении баланса их взаимных функций. При этом следует учитывать динамику собственности, неустойчивость, хрупкость достигаемого равновесия социальных и личных интересов, необходимость оперативного реагирования на возникающие диспропорции, отклонения «весов собственности» в ту или иную сторону. Всякого рода нормативно-правовые модели, основанные на установлении законодателем закрытого, исчерпывающего перечня функций и предустановленного набора прав и обязанностей сторон в отношениях собственности, как уже отмечалось, неприемлемы, поскольку не учитывают динамику собственности, а также необходимость ее индивидуализации.

На основе функционально-ролевого сценария правового отношения формируется следующее (четвертое) – технико-регулятивное – структурное звено правоотношения (включающее множество отдельных элементов), своего рода «юридический панцирь» отношения. Оно представляет собой совокупность различных юридических условий, технико-регулятивных элементов правового отношения, главными из которых являются субъективные права и юридические обязанности сторон. Данные элементы выступают составной частью правового отношения, образуют его содержание, но по отношению к другим структурным звеньям, частям правоотношения они в своей целостности выступают юридической формой, оболочкой, в которую «одеваются» рационально-волевые, коммуникативные, функциональные элементы правового отношения.

Правовые функции – роли участников отношений с помощью технико-регулятивных средств, способов правового регулирования облекаются в «юридические костюмы»: в одних случаях они оформляются в виде дозволенного вида деятельности лица либо права требования соответствующего поведения, деятельности от другого лица (в виде субъективных прав); в других – в виде правового долга (юридических обязанностей). Относительно субъекта, за которым они закрепляются, правовые функции, определенные как его права или обязанности, получают либо положительные юридические заряды (становясь «правовым активом» лица), либо отрицательные (становясь его «юридическим пассивом»). Они разделяются по правовым полюсам, формируя юридическое пространство отношения.

Для субъектов права данный этап создания правового отношения предполагает не только детальную регламентацию их поведения, определение их «правовых приобретений» и «правовых обременений», но и достижение необходимой им правовой устойчивости, стабильности отношения. С помощью технико-регулятивного звена правового

отношения обеспечивается кристаллизация, структурная закреплённость рационально-волевых, коммуникативных, функциональных структурных звеньев отношения, в целом оно юридически «замораживается».

Наряду с субъективными правами и обязанностями важными элементами технико-регулятивного звена правоотношения также выступают: правовые процедуры, юридические гарантии, меры ответственности сторон, способы разрешения конфликтов, условия изменения, прекращения правоотношения, применяемые сторонами субсидиарные нормы, правила и т. д. В этом смысле субъективные права и обязанности участников — лишь верхняя часть юридического «айсберга» отношения. Чтобы представить его целиком, необходимо рассмотреть всю совокупность условий, технико-регулятивных элементов, обеспечивающих взаимодействие сторон, причем не по отдельности, а в их связях, логической последовательности. Каждое юридическое условие, технико-регулятивный элемент выполняет в правовом отношении особую функцию, «миссию» в рамках общего правового замысла. Он «упаковывается» в общую правовую идею, регулятивную модель конкретного правового отношения, где воля участников взаимодействия находит надлежащую юридическую форму, без которой она не может реализоваться, воплотиться в жизнь. Модель, конструкция отдельного отношения в сфере действия диспозитивно-правовых норм может существенно отличаться от законодательной, нормативной модели. Стороны могут дополнить, уточнить нормативную конструкцию, синтезировать части разных правовых конструкций или создать собственную, оригинальную модель правового отношения.

Субъективные права и обязанности, хотя и играют ключевую роль в формировании «юридического панциря» отношения, однако сами по себе, без других технико-регулятивных элементов, не в состоянии обеспечить целостное регулятивное воздействие. Они должны рассматриваться как необходимые фрагменты общей технико-правовой картины отношения, как части целостной регулятивной системы, где каждый элемент существует не отдельно от других, а служит единому правовому замыслу. Без юридических процедур, правовых гарантий, механизмов ответственности, способов разрешения споров между участниками отношения их субъективные права и обязанности представляют собой лишь правовые декларации, необеспеченные притязания субъектов права. Названные технико-регулятивные элементы, а также многие другие выполняют в правоотношении особую «миссию», их не следует рассматривать в качестве «довесков» субъективных прав и юридических обязанностей и исключать из состава элементов правового отношения. Юридические процедуры, например, могут предшествовать возникновению субъективных прав и обязанностей сторон, обуславливать их возникновение. В частности, процедуры государственной регистрации сделок с объектами недвижимости имеют решающее значение для возникновения субъективных прав и юридических обязанностей собственника вещи, они дают старт отношению собственности. В данном случае процедура оказывается первичной по отношению к субъективным правам и обязанностям, они обуславливаются ей, а не наоборот. Процедуры способны также выполнять функцию юридической мембраны, разделяющей «правовые поля» собственности (процедуры межевания, кадастрового учета, технической инвентаризации имущества и др.). В этом случае они являются вполне самостоятельными технико-регулятивными элементами отношения, непосредственно не относимыми ни к субъективному праву собственника, ни к его юридической обязанности. Также вполне самостоятельную роль в отношениях собственности играют процедуры, способы разрешения споров, конфликтов, возникающих между собственником и государством, иными лицами.

Важную функцию в отношениях собственности выполняют юридические гарантии собственности. К их числу можно отнести не только отдельные, частные условия, обеспечивающие ее неприкосновенность, сохранность (например, отказ государства от национализации, мораторий на принятие налоговых законов, ухудшающих положение

собственника, и т. п.), но и глобальные, инфраструктурные гарантии собственности: систему правосудия, систему охраны правопорядка и пр. Наличие подобного рода инфраструктурных гарантий собственности есть необходимое условие, предпосылка возникновения всякого правового отношения собственности и соответственно субъективных прав и обязанностей сторон. Гарантирующую, обеспечительную функцию в отношении собственности выполняют и юридические механизмы, формы государственного признания, укрепления собственности (нотариальные формы, системы признания интеллектуальной собственности, государственной регистрации прав собственности и т. д.). Существование, функционирование этих юридических механизмов, систем обеспечивает стабильность собственности, прочность формирующихся отношений.

Отдельного внимания в рамках исследования отношений собственности заслуживают юридические механизмы, условия взаимной ответственности собственника перед государством и государства перед собственником. Обычно в рамках законодательного регулирования отношений собственности обсуждаются вопросы юридической ответственности собственника перед государством (административной, налоговой, уголовной, гражданско-правовой), а государство оказывается вне поля зрения законодателя. Однако для собственности как взаимного, двустороннего отношения не менее важны формы юридической ответственности государства перед собственником. Уже сам факт юридического закрепления ответственности государства перед гражданином или юридическим лицом представляется важным с точки зрения формирования правовой основы для преобразования односторонне властного отношения государства к собственнику в двустороннее, взаимное отношение. Таким образом, при анализе юридического фундамента отношения собственности не следует ограничиваться лишь установлением субъективных прав и обязанностей сторон, необходимо расширить рамки исследования, оценивая в качестве содержания правового отношения всю совокупность юридических условий, технико-регулятивных элементов, обеспечивающих существование данного вида социального отношения в их единстве, системе.

Пятое структурное звено отношения собственности (в логической цепи — завершающая часть отношения) включает поведенческие элементы. Речь идет о действиях, поступках субъектов права — участников отношения, нацеленных на осуществление их субъективных прав и обязанностей, а в более широком плане — их интересов, воли. В позитивизме правовое поведение субъектов права выводится за рамки правоотношения, рассматривается не как неотъемлемая часть правовой материи, права, а как нечто внешнее по отношению к нему, как «акты реализации норм права». Предполагается, что «настоящее», «действительное» право — это нормы, а основанные на нормах акты поведения участников отношений представляют собой «правовую тень», производное от права явление. С точки зрения представителей данного воззрения, собственник своим поведением осуществляет не собственную волю, интерес, а волю, интерес законодателя; следовательно, правоотношение собственности существует не для собственника, а во имя нормы, для ее реализации. В позитивизме искажается суть правового отношения, гипертрофируется роль законодателя и нивелируется воля субъектов права; реальное правовое взаимодействие участников отношения подменяется его нормативными шаблонами. Право сводится к совокупности норм, а реальность правового взаимодействия, правовое поведение лиц исключаются из предмета исследования.

Однако норма — это лишь возможность правового отношения, его законодательный проект, реальность же правового отношения заключается в действиях и поступках субъектов права, в их правовом поведении. Динамика правового отношения состоит в переходе от возможности к действительности, от нормативных моделей — к конкретным актам поведения, действиям и поступкам. В правовом отношении поведение субъектов составляет его неотъемлемую часть, именно оно делает его правовой реально-

стью, поэтому юридические действия, поступки лиц наряду с названными элементами должны рассматриваться в качестве «материи», субстрата правового отношения.

Для формирования отношений собственности поведенческие элементы особо значимы, без них собственность мертва, не одушевлена. Юридическое закрепление вещи за собственником в качестве его правовой принадлежности — это только предпосылка осуществления его личных, собственнических интересов. Без правового владения вещью, без осуществления юридических действий в отношении ее, разнообразных сделок, использования ее в правовом обороте собственность не имеет смысла, является пустой, ничтожной. Собственность «живет» в правовом обороте, обязательствах, договорах, сделках, в правовой коммуникации; именно здесь она становится правовой действительностью. Правовое поведение собственника как владельца вещи — то содержание, которое наполняет юридический сосуд собственности, делает собственность полноценной.

Рассматривая отношение собственности сквозь призму поведения его участников, можно заметить, что каждое отношение оригинально, неповторимо. В поведении любого лица выражается его индивидуальность, особые социально-правовые качества; поступки, юридические действия собственника вещи не исключение. В его собственности, в правовом отношении по поводу вещи проявляются особенности его личности, своеобразие его интересов, потребностей, сознания. Каждый собственник по-своему выражает себя в собственности, созидает свое, присущее только ему правовое поле собственности.

Отношение собственности только внешне (если рассматривать его сквозь призму нормативной модели) представляется типичным, однообразным для всех субъектов права, внутренне же (когда оценивается вся совокупность актов правового поведения собственника, весь комплекс созданных им микроотношений собственности) оно самобытно, как сама личность. Отношение собственности в поведенческом плане личностно ориентированно, оно отражает внутренний духовный мир лица, его сознание, волю, направленность его интересов. Личностный характер отношений собственности, возможность их индивидуализации должны учитываться законодателем при его нормативных построениях, принимаемые им правовые положения должны быть гибкими, предполагать возможность модификации, приспособления к конкретным условиям, потребностям субъектов права. Правовая форма отношения собственности должна учитывать динамику развития данного отношения, создаваться «на вырост», она должна быть способна вместить различное правовое содержание в зависимости от личностных качеств субъектов права, их особых интересов.

Таким образом, собственность может быть рассмотрена как особого рода правовое отношение, возникающее между собственником и государством, а через него — с другими субъектами права (физическими и юридическими лицами), предметом которого является юридическое закрепление вещи за конкретным лицом, а также определение условий правового обладания ею. Данное отношение имеет корпоративно-правовую природу, оно предполагает существование единого правового союза, корпорации субъектов права, каждый из которых признает других в качестве правоспособных лиц, их самостоятельность, права на обладание имуществом и участвует в совместном созидании правовой сферы. Собственность как отношение формируется не на основе частноправовых актов (договоров или односторонних сделок), а на основе закона, «вырастает» из системы правопорядка, поэтому для него значимы акты государственной регистрации прав собственника, нотариальные и иные акты публично-правового признания.

Отношение собственности по своей структуре многоэлементно, оно включает множество связанных между собой микроотношений. В нем синтезируются элементы конституционно-правовых, гражданско-правовых, административно-правовых, налоговых, процессуальных и иных отношений, совмещаются признаки, свойственные частноправовому и публично-правовому типам связей (является синтетическим отношением).

Содержание отношения собственности раскрывается не только через совокупность субъективных прав и обязанностей сторон, но и через реализуемые ими в правовом взаимодействии представления друг о друге, их правовые позиции (рационально-волевые элементы правоотношения); через способ связи, систему совмещения интересов, волю субъектов (коммуникативные элементы отношения); совокупность правовых функций, видов деятельности (функционально-деятельностные элементы отношения); посредством определения множества юридических условий, технико-регулятивных элементов (технико-правовые элементы отношения); актов правового поведения участников отношений, их действий и поступков (поведенческие элементы отношения). Объединяя названные структурные элементы правового отношения собственности, можно сформировать относительно полную его картину.

¹ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2000. С. 613–614.

² Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. 2-е изд. СПб., 1910. Т. 2. С. 406–407.

³ Kohler H. Gesammelte Beitrage zum Civilprocess. 1894. S. 5–6. Цит. по: Васильковский Е. В. Учебник гражданского права. Вып. II. Вещное право. СПб., 1896. С. 61.

⁴ Генкин Д. М. Право собственности в СССР: моногр. М., 1961. С. 36–38.

⁵ Рыбалов А. О. Абсолютные права и правоотношения // Правоведение. 2006. № 1. С. 140.

⁶ Гревцов Ю. И., Хохлов Е. Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении // Правоведение. 2006. № 5. С. 10.

⁷ Алексеев Н. Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства // Русская философия собственности (XVII–XX вв.). СПб., 1993. С. 371.

⁸ Там же. С. 372.

⁹ Там же. С. 375.

¹⁰ Там же.

¹¹ Генкин Д. М. Рецензия на книгу В. Кнаппа «Собственность в странах народной демократии» // Сов. государство и право. 1955. № 6. С. 129.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Генкин Д. М. Право собственности в СССР. С. 34–47.

¹⁵ Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 139.